

Рынок в уездном городке Яньчжоу выглядел не особенно оживлённым; со стороны полуразрушенной во время войны городской башни, которую военные до сих пор чинили, он даже казался немного запущенным. Но, по крайней мере, здесь можно было купить всё необходимое для повседневной жизни.

Лошади слишком бросались в глаза, поэтому двое оставили их у городских ворот в казенном стойле; если заплатить, солдаты не только присмотрят за животными, но и накормят их.

На рынке людей было ни много ни мало, но для Бянь Хуна главное, что все они были живые, ходили, разговаривали, смеялись. Это немного успокаивало его. Сам же он шёл, как тень, за высокой фигурой Жун Фэна, молча наблюдая за всем вокруг. Здесь были и мелкие разносчики, и торговцы с лотками, и люди с корзинами за спиной - большинство приезжало из разных деревень, привозя товары или деньги, чтобы именно в этот определённый день обменять их на нужные в хозяйстве вещи.

Чтобы предотвратить грабежи и стычки, которые могут нарушить порядок и подорвать жизнь местных жителей, по рынку время от времени проходили дозорные, посланные чиновниками. Проходя мимо, они нередко забирали у торговцев немного вина, чаю или сладостей, но народ всё равно был этому рад: в смутные времена, которые ещё не завершились, наличие хоть какой-то защиты - особенно ценная вещь.

Бянь Хун шёл сквозь шумную толпу, словно сквозь мелькающие в калейдоскопе картинки. Он никак не мог стать её частью, словно молчаливый посторонний наблюдатель в мире, который жил по собственным законам. С тех пор как у него развился посттравматический синдром, Бянь Хун часто трезво анализировал собственные действия и своё состояние. Он бесконечно всматривался внутрь себя, пытаясь найти способ обрести покой, способ иной, чем смерть, но всякий раз ему недоставало сил.

Сейчас же он подумал, что, возможно, не должен больше быть таким замкнутым и одиноким. Влиться в этот мир, проникнуться радостями и горестями людей вокруг - возможно, это и есть первый шаг к тому, чтобы вновь научиться жить.

Однако Бянь Хун поднял голову и посмотрел на мужчину, шедшего впереди - прямой, ни на кого не глядящий, молчаливый и холодный, куда больше, чем он сам. И почему-то, опустив взгляд, он едва заметно улыбнулся. Вдруг шумный рынок и толпа вокруг показались ему уже не такими давящими.

По дороге торговцы в основном продавали полезные вещи, и денег брали мало, чаще выкрикивали, что меняют товар только на зерно. Бянь Хун прислушивался к ценам и мысленно всё пересчитывал.

Сто цзиней проса, это, конечно, огромные деньги.

Он потер нос и чуть ускорил шаг, но в этот момент мужчина неожиданно остановился, и Бянь Хуну пришлось срочно притормозить. Тот поправил шляпу, скрывающую его глаза, и коротко

сказал:

- Ткацкая лавка. Сначала купим ткань.

У ткацкой лавки торговля шла так себе: в такие времена людям были нужнее не красивые материи, а вещи, позволяющие выжить, например зерно и соль.

Хозяйка лавки, увидев посетителей, сразу заулыбалась и засуетилась. Жун Фэн кивнул в сторону Бянь Хуна:

— Пусть он выбирает.

У торговки глаз был наметан, она вмиг поняла, какие отношения у этих двоих.

— Ой, для молоденького фулана ткань-то вот тут! Смотри, какие свежие, яркие расцветки - сошьёшь цветастую куртку, так будешь прямо как цветочек!

Но Бянь Хун лишь поморщился - от стены пёстрой, рябщей в глазах ткани у него тут же заболело в глазах.

— Хозяйка, дайте что-нибудь попрочнее, потеплее, обычных расцветок.

— Что ж ты такое говоришь, какой же молодой фулан не любит яркое? Не бойся, цену скину, пусть твой муж купит тебе что понаряднее.

В итоге Бянь Хун всё же взял всего двадцать чи грубой серой ткани и двадцать чи грубой синей. А вот Жун Фэн, уже почти выходя из лавки, будто сам не понимая почему, протянул руку и прихватил маленькую стопку дешёвого, но мягкого цветного шёлка шао.

Хозяйка так и сияла, провожая покупателей - сделала хорошую скидку и мысленно уже записала себе двух щедрых и приятных клиентов, которых непременно надо будет удержать.

После этого по дороге Жун Фэн купил несколько кувшинов вина, большой кулёк сладостей, полмиски масляной чайной муки, а также маленький мешочек соли. Бянь Хун сам ни за чем не тянулся, но, проходя мимо прилавка с приправами, всё-таки остановился.

Жун Фэн оглянулся, вынул из-за пазухи небольшой матерчатый мешочек и протянул ему:

— Хочешь - сам накладывай, что нужно.

Бянь Хун узнал только анис и цветочный перец; остальное брать не решился и насыпал

понемногу лишь самое необходимое. Жун Фэн, видя его такую осторожность, просто достал из нагрудной сумки оставшиеся несколько лян серебра и сунул Бянь Хуну:

— Понравится что - покупай.

В этот момент их двоих, идущих рядом по оживлённому рынку, можно было легко принять за только что поженившуюся молодую пару. Хотя они были ещё не слишком близки, муж вёл себя щедро и заботливо, почти как настоящий.

Однако поведение двух людей привлекло внимание некоторых любопытствующих. Вскоре к ним подошло несколько групп, нарочно пытаясь завести разговор. Бянь Хун держался отстранённо, отвечал ровно настолько, чтобы не быть невежливым. Жун Фэн же был куда прямолинейнее: открыто говорил людям отходить в сторону, мол, они загораживают дорогу.

Несколько мелких хулиганов недовольно переглянулись, но всё же уступили, уж слишком велик и крепок Жун Фэн. Даже под шляпой-доули он возвышался над толпой почти на голову, а холодная, мрачная энергия, исходившая от него, давила так, что спорить расхотелось.

Бянь Хун слегка потянул Жун Фэна за рукав:

— Довольно. Пойдём обратно.

Вне дома лучше лишний раз не нарываться на неприятности.

Но стоило им пройти всего несколько шагов в сторону городских ворот, как кто-то внезапно и торопливо врезался в Бянь Хуна. Того тут же свело всего, он резко напрягся, с усилием взял себя в руки, сделал несколько глубоких вдохов, чтобы унять охватившую тревогу.

— Виноват, виноват, народу много, не глянул под ноги...

Человек, бормоча извинения, отступал назад и уже собирался затеряться в толпе, но Бянь Хун настороженно коснулся рукой матерчатого мешочка у пояса, и лицо его сразу изменилось. Он быстро повернулся к мужчине, чья шляпа всё ещё закрывала половину его взгляда, и торопливо сказал:

- Деньги, что ты мне дал, он вытащил, — сказал Бянь Хун.

Жун Фэн без единого слова схватил его за руку, оттащил в сторону, к более тихому углу стены, скинул все покупки к ногам Бянь Хуна.

— Жди здесь! — бросил он и тут же рванул в сторону скрывшегося в толпе вора.

— Эй, подожди... — Бянь Хун попытался удержать его, но не успел.

Однако прошло совсем немного времени, и Жун Фэн уже тащил обратно какого-то человека, измятого и избитого до синяков. Он швырнул его прямо к ногам Бянь Хуна. Люди вокруг поспешили разойтись, боясь оказаться втянутыми.

— Он? — коротко спросил Жун Фэн.

Бянь Хун кивнул. Жун Фэн тут же врезал вору тяжёлым пинком под рёбра:

— Украденное верни!

— Врёшь ты все! Силой пользуешься и невинных оговариваешь! — завизжал тот, перекатываясь по земле. — Спасите! Грабят! Бьют людей! Помогите!

Хулиган начал откровенно валять дурака, и тут же несколько человек в толпе переглянулись и вышли вперёд «свидетельствовать»:

— Я видел! Этот здоровяк бьёт людей и ещё оговаривает честного человека, будто тот украл у него деньги!

— Быстро плати ему за лечение, иначе придут стражники и всё, дело плохо кончится. Разве не так, народ?

Бянь Хун окинул их взглядом. Реально зевак было немного, а вот вторящие - в основном те самые люди, что раньше пытались навязать разговор. Он холодно усмехнулся: похоже, нарвались на самый обычный «развод».

Жун Фэна же все эти хитрости не интересовали. Кто портил ему настроение, тот получал кулаком. Пара ударов и тот, что спер деньги, уже превратился в кровавое месиво и поспешил закричать к своим:

— Вы чего стоите! Если ещё пару раз получу, я такое расскажу, мало никому не покажется!

Его сообщники испугались, что он действительно начнёт выкладывать лишнее, и, ругаясь, закатали рукава, готовясь лезть в драку. В этот момент как раз прибежали городские стражники: несколько ярыков оттолкнули зевак и сомкнули кольцо вокруг дерущихся.

- На улице шуметь и драться - прямая дорога в тюрьму, там быстро поумнеете! — отрезал старший ярык.

Побитые Жун Фэном люди тут же наперебой принялись исказить правду, рассчитывая содрать побольше. Стражник велел всем предъявить документы и, увидев, что эти громилы местные, сразу насторожился против закутанного с головы до ног Жун Фэна.

— Ты! Имя, родом откуда, что здесь происходит - докладывай!

Бянь Хун выровнял дыхание, шагнул вперёд и ровным голосом сказал:

— Эти люди украли деньги среди бела дня и попытались нас шантажировать. Такие застарелые проходимцы подрывают спокойствие округа и позорят труд стражи, которая кровью охраняет этот город. Если господин ярк не верит, достаточно обыска. В моём мешочке было два ляна перца, два ляна звездчатого аниса и ровно четыре ляна восемь цяней серебра.

Слова были чёткими и весомыми. Жун Фэн вообще не стал церемониться и рывком дёрнул рукав одного из воров. Из-под ткани посыпались кошельки. Кошелек Бянь Хуна там не было, но рядом в толпе кто-то вдруг вскрикнул:

— Да это же мой кошель! Когда этот мелкий вор успел его стащить?! — и жители сразу загудели.

В толпе поднялся ропот, люди один за другим начали проверять свои кошельки, и действительно нашлось немало обокраденных. Лица у шайки потемнели, но дерзость их всё ещё не покидала:

— Мой шурин - сам Ли-баньтоу*, — бросил один. — Посмели нас оговорить? Вернёмся, посмотрим, что ваш Ли-баньтоу скажет!

(ПП: баньтоу - неформальное обращение к руководителю низшего звена (аналог "старшина", "десятник" или "бригадир")

Ярыки на мгновение замаялись. Бянь Хун нахмурился: мир везде одинаков: хватает тех, кто давит силой и связями. А солдаты на границе, проливающие кровь, защищают, в сущности, вот таких паразитов. В памяти вспыхнули лица павших товарищей - знакомые и незнакомые, те, кто ушёл в том же кипящем месиве войны. Грудь сдавило тяжёлой яростью; Бянь Хун побледнел, взгляд потемнел.

Суматоха дошла до ворот - сидевший там дежурный дуцзюнь*, закованный в потёртую броню, наконец поднялся. Было видно сразу: человек, прошедший войну до костного мозга; только одной руки не доставало, значит, ранен, списан с передовой и поставлен охранять город.

(ПП: высшая военно-административная должность в провинции, сочетающая функции военного командования и гражданского управления/ военный комиссар)

Он, привыкший к армейской выправке и строгому порядку, давно уже не переносил этих

разжиревших бездельников из уездной управы и только искал повод подчистить их. Случай представился, почему бы не воспользоваться. Однако взгляд дущюня задержался на Жун Фэне дольше, чем следовало. От этого человека веяло опасностью. В округе о таком он не слышал; надо будет потом велеть людям разузнать, вдруг главарь разбойников или беглый налётчик.

Но когда он скользнул взглядом по Бянь Хуну, его глаза невольно задержались. Худой, белолицый «молодой супруг», подняв голову, встретил его прямым чёрным взглядом.

Взгляд как у того, кто видел смерть. И не однажды.

Дущюнь мысленно отметил: этот - не простой житель. Он решил сперва разобраться с этими проходимцами и их «Ли-баньтоу», а потом уже задержать и допросить этих двоих. Оба явно не из тихих, происхождение мутное, нужно выяснить как следует.

Жун Фэн с мрачным лицом вытащил из карманов задержанных мешочек с приправами - тот самый, что принадлежал Бянь Хуну, и, развернувшись, уже повёл своего человека прочь. Но их снова остановили: дущюнь велел солдатам преградить дорогу.

— Обычная процедура, — произнёс он холодно. — Проверка документов всех входящих в город. Прошу понять.

Не вовремя. Их документы как раз были отправлены на слияние после заключения брака; новые ещё не готовы. Чтобы подтвердить личности, им пришлось бы ехать в городскую управу провинции Яньчжоу. Туда и обратно минимум полмесяца.

Полмесяца они вытерпят. А вот больная мать Жун Фэна - нет.

Бянь Хун сжал губы, подошёл к Жун Фэну ближе и быстрым взглядом оценил, с какой стороны можно было бы при необходимости прорваться через стражу. В голове стремительно складывались пути отхода. Но Жун Фэн вдруг опустил голову, будто взвешивая что-то очень важное. После долгой внутренней борьбы он медленно сунул руку за пазуху и достал небольшую пластинку, похожую на жетон.

Похоже, он был из бронзы. Сложный, замысловатый узор, вырезанный на нём, несмотря на следы времени, оставался удивительно отчётливым. Жетон излучал ощутимую тяжесть, не только материальную, но и ту, что приходит вместе с долгой историей и правом власти.

Однорукий дущюнь принял жетон, поднял его к глазам и на мгновение застыл. Затем его лицо заметно посерьёзнело. Он перевернул пластинку, ещё раз внимательно сверил узор, будто боялся ошибиться, и лишь после этого глубоко выдохнул.

Подняв взгляд, он шагнул вперёд и почтительно сложил руки в поклоне:

— Сколько лет, как мы не видали стражей гор... Дозвольте осведомиться: с какой вы горы, которой вы по счёту наследник, и каково ваше имя?

Жун Фэн поднял глаза, голос его был ровным и холодным:

— Гора Мэмэн. Тридцать шестое поколение. Жун Фэн.

<http://bllate.org/book/13502/1199892>